

Флорова Валерия Сергеевна

ДОННА, ПОЭТ И АДРЕСАТ В "КАНЦОНЬЕРЕ" ПЕТРАРКИ

В статье рассматриваются образы Донны, Поэта и адресата петрарковской "Книги песен". Обращается внимание, что новый возрожденческий индивидуализм практически никак не затрагивает образ Лауры, которая становится воплощенным символом поэзии и славы. Образ Поэта, напротив, носит ярко выраженный субъективный характер. Но наиболее интересен образ адресата "Канцоньере". Это фактически любой читатель, причастный возрожденческой культуре, еще лишенной позднейших представлений о приватности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-1/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 1. С. 48-50. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. О русской литературе. М.: Современник, 1987. 399 с.
2. Ицкович Т. В. Идиостиль православных проповедников в рамках категориально-текстовой концепции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (17). С. 64-68.
3. Лозовская Н. Живая музыка псалма // Мир Библии. 2001. Выпуск 8. С. 102.
4. Осипов А. И. Путь разума в поисках истины. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2003. 432 с.
5. Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова / составление и общая редакция А. Н. Стрижев. М.: Паломник, 2002. Т. 4. 783 с.
6. Титкова Н. Е. Архитектоника проповедей святителя Игнатия Брянчанинова // Жизнь провинции как феномен духовности: материалы международной научной конференции. Н. Новгород, 2004. С. 159-164.

**SPECIFICS OF COMPOSITION AND STYLE
OF THE “ASCETIC EXPERIENCES” BY ST. IGNATIUS BRIANCHANINOV**

Titkova Natal'ya Evgenievna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Branch) in Arzamas
nataly.arzamas@yandex.ru

The article is devoted to studying the compositional and stylistic peculiarities of the sermons by St. Ignatius Brianchaninov. The author proposes an approach to address the relevant problem of the modern literary criticism which involves identifying the individual style of the most authoritative ecclesiastical writers. Analyzing the works included into the “Ascetic Experiences” the author concludes on the meaningfulness of their compositional architectonics and shows how the laconism and simplicity of sermon language are harmoniously combined with the virtuosic use of figurative-expressive means.

Key words and phrases: sermon; liturgical text; composition; style; architectonics; metaphorical nature; laconism.

УДК 82-14

В статье рассматриваются образы Донны, Поэта и адресата петрарковской «Книги песен». Обращается внимание, что новый возрожденческий индивидуализм практически никак не затрагивает образ Лауры, которая становится воплощенным символом поэзии и славы. Образ Поэта, напротив, носит ярко выраженный субъективный характер. Но наиболее интересен образ адресата «Канцоньере». Это фактически любой читатель, причастный возрожденческой культуре, еще лишенной позднейших представлений о приватности.

Ключевые слова и фразы: Возрождение; Петрарка; Лаура; Поэт; читатель; адресат; идея; символ; индивидуализм; публичность; приватность.

Флорова Валерия Сергеевна, к. филос. н.
Московский педагогический государственный университет
vsflorova@rambler.ru

ДОННА, ПОЭТ И АДРЕСАТ В «КАНЦОНЬЕРЕ» ПЕТРАРКИ

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00531.

«Канцоньере» Петрарки представляет собой великолепный синтез провансальской лирики и поэзии *dolce stil nuovo*. Но этот синтез был бы невозможен без того нового понимания человека, которое принёс с собой Ренессанс. Ощущение самости, постепенное осознание ценности человеческого бытия во всех его проявлениях стало высшей реальностью для Возрождения. Именно поэтому так интересно рассмотреть образы Донны, Поэта и читателя-адресата в любовной лирике Петрарки. Ведь здесь можно воочию увидеть человека, впервые ярко осознавшего свою самобытность и неповторимость.

В самом образе Донны возросшая субъективность еще никак не проявляется. В свое время А. Н. Веселовский справедливо заметил, что «Петрарка воспевае Лауру, в сущности, как трубадур» [3, с. 264]. ««Книга песен»», – замечает русский исследователь, – такой же нереальный роман, как любовные признания средневековых поэтов; Лаура такой же тип, в котором слились многие, живые и фантастические Лауры: поэтическое обобщение всего, что поэт пережил и способен был пережить в области своего аффекта» [4, с. 230]. Однако если Лаура не более реальна, чем, например, легендарная возлюбленная Бернарта де Вентадорна, то что же отличает её настолько, что для всех последующих поколений именно она, а не Алиенора Аквитанская, воплотила в себе идеал красоты?

Еще до личного знакомства с Петраркой Боккаччо так писал о его Донне: «Петрарка ярко воспел любовь к некоей Лауре. Мне кажется, что имя Лаура употреблено им аллегорически вместо названия лаврового венка, которого он впоследствии добился. Думаю, что это именно так» [2, с. 399]. Замечание неверное фактически, но абсолютно верное эстетически. Художественная значимость Лауры заключена в ее имени, представляющем для поэта идею красоты, поэзии и славы. Поэтому Донна воспринимается Поэтом не столько как реальный человек, сколько как *земное воплощение своего имени*. Разумеется, в такой эстетической системе нет места Лауре как реальному лицу или даже как литературному персонажу. Это не живая женщина, а символ. Как отмечает Дж. Керриган, поэт словно отторгает от себя живой – будничной – прототип своего поэтического образа. «Августин, персонаж “Моей тайны”, говорит нам, что сама женщина умрет молодой и уже

некрасивой, истощенной частыми родами. Поэтическое *io*, кажется, игнорирует такую Лауру, пребывая в рабстве у ускользящего образа. ...Лаура есть все, к чему надлежит стремиться, однако (и следовательно) она вовек недостижима. Избегая обладания, она становится предметом обладания для поэта» [7, р. 27].

Донна Петрарки, в сущности, уже не совсем человек. Лаура тем и выделяется из множества прекрасных дам, что она по сути своей есть воплощённый в земном существе *символ* красоты, славы и поэзии.

Совершенно другая картина наблюдается, когда читатель обращает внимание на образ Поэта в «Канцоньере». Всякий замечает резко возросший субъективизм в изображении лирическим героем своего чувства, значительно больший индивидуализм. Это указывает на системные изменения в эстетическом видении. Из сонетов Петрарки мы узнаём о массе сопутствующих его любви обстоятельств. Мы не знаем подлинной внешности и характера Лауры, но о том, когда и как произошла её встреча с Поэтом, мы осведомлены гораздо лучше:

Был день, в который, по Творце вселенной
Скорбя, померкло Солнце... (III, перевод Е. Солоновича) [6, с. 26].

Сонет содержит точное указание на конкретный день – Страстную пятницу 6 апреля 1327 года:

В то лето – тыща триста двадцать семь
Шестого дня апреля утром рано (ССХI, перевод А. Ревича) [Там же, с. 199].

То же самое можно сказать и о многих других сонетах: Петрарка повествует о своих встречах с возлюбленной (СХV), о её портрете (LXXVII), о своих попытках украсть её перчатку (СХСIX – СС – ССI) и так далее. Намёки на действительные происшествия подчёркивают главную черту петрарковской лирики: характер самого чувства становится более индивидуальным.

Подлинная жизнь творится не в Лауре, а в самом существе Поэта. Лаура-символ не знает человеческих страстей и слабостей, и даже смерть не касается её, когда она уходит из физического мира. В вечно торжествующей идее нет места трагедии. Но и страсти, и слабости, и трагизм живут в лирическом герое Петрарки. Это он изо дня в день – из сонета в сонет – переживает свою любовь и ошибки, мучается сомнениями, гордится безграничностью творческих сил человека и потрясён ограниченностью его же возможностей. Если Лаура – статичный центр, то поэт – динамичная доминанта поэтического универсума. Лирический герой то очаровывается, то разочаровывается; в самом начале «Канцоньере» воспитанный христианством Поэт с глубокой печалью прощается с тем, что стало ему так дорого – со своей юношеской ошибкой: *mio primo giovenile errore*. Лаура остаётся в стороне от всего этого, «она безвинна», как говорит Августин в «Моей тайне» [Там же, с. 512]. К любви, сомнениям, счастью и трагедии оказывается причастен только сам Поэт и внимающие ему читатели, к которым он обращается как рассказчик к слушателям, как собеседник к собеседникам.

Каким же представляет себе Поэт своего читателя? Адресат «Книги песен» ясно обозначен уже в самом первом сонете:

В собранье песен, верных юной страсти...
Мой голос прерывается подчас,
За что прошу не о прощенье вас,
Влюбленные, а только об участье (I, перевод Е. Солоновича) [Там же, с. 24].

«Chi per prova intenda amore» («тот, кто испытал любовь»): то есть все влюбленные и любившие, а также собственные коллеги по перу – вот имманентный читатель Петрарки. Поэт пишет, не обращаясь к Лауре, а о Лауре, обращаясь при этом к постороннему, в той или иной мере гипотетическому читателю. Он имеет в виду, прежде всего, гуманитарно образованного человека, способного оценить изящество стиха и мысли, красоту слога и платоническую возвышенность чувства; не в последнюю очередь он взывает к вниманию утонченных и образованных «благородных дам» (к которым обращаются, например, Данте в «Новой жизни» и Фьяметта Боккаччо), на чье сострадательное участие может рассчитывать его лирический герой. «Это новое “воображаемое сообщество” состояло из единомышленников... в силу того, что их мысль была пропущена через один и тот же культурный материал» [5, с. 29]. Реальная Лаура может умереть – и действительно умирает – за время поэтического прославления; но ее смерть не является препятствием и не служит поводом для прекращения поэтического дискурса. Поэт говорит о своей любви, словно обращаясь ко всему миру – не только к настоящему, но и к будущему; словно он стоит на мировой сцене, и самые задушевные слова о самых интимных чувствах осознанно произносит так, чтобы они эхом отозвались во всей человеческой культуре.

Острое чувство двойственного – уникального и универсального – характера времени породило у гуманистов новое восприятие истории. Две огромные эпохи – Античность и Средневековье – начали стремительно обретать свое лицо, и гуманисты стали беседовать с ними как с живыми людьми. Обращение к целым эпохам как к живым целокупностям – вот что характерно для Петрарки. Для него нет непреодолимых границ, нет культурного отчуждения. Он способен говорить со всеми культурами разом, сообщая о сиюминутном так же серьезно, как и о вечном. Как истый гуманист, он пишет письма не только к близким людям, но и к людям, жившим столетия тому назад, а одно письмо обращает к потомкам. Он правит и заново переписывает послания, датируя их задним числом. Так, Л. М. Баткин замечает, что «письмо о восхождении на альпийскую вершину Мон Ванту, датированное 1336 г., как недавно выяснилось, сочинено около 1353 г., и значит, этот прославленный документ, всегда приводимый как пример новой художественной впечатлительности, повествует о вымышленных фактах». Новая художественная впечатлительность, впрочем, от этого не страдает» [1, с. 135]. Здесь интересно само понимание адресации, авторское представление о читателе такого интимного с нашей точки зрения сочинения, как письмо. Адресат Петрарки – это *все*, весь образованный читающий мир – прошлый, настоящий и будущий. В душе поэта словно бы нет такой сокровенной тайны, которую он не мог бы

и не хотел бы поведать каждому культурному человеку. Недаром его автобиографическая книга так и называется: *Secretum* («Моя тайна»). Франциск обнажает свою душу не только перед Августином (создателем великой «Исповеди»), но и перед миром так же, как перед Богом и Истиной. Петрарковский опыт – жизни, любви, творчества, самопознания – открыт для всех, и поэт уверен в его общекультурной ценности. Поэтому самым интимным движениям души придан торжественный литературный характер. Как метко обобщает Л. М. Баткин, у итальянских гуманистов «стилизация жизни и сама жизнь совпадали» [Там же, с. 138].

Лирический герой петрарковского «Канцоньере» – тоже типично ренессансная личность. Он открыт всему миру в своем исповедании самых интимных чувств; его признания в любви к Лауре становятся обращением к каждому, кто способен чувствовать и понимать. Любовь к Лауре для лирического героя Петрарки – это стимул для открытого рассказа о самом себе, обо всем человеческом. Реальная Лаура является не целью дискурса, а своеобразным средством саморазвития и самопознания лирического героя.

Однако человек эпохи Возрождения, хотя и осознал ценность человеческой уникальности и увидел человеческий лик целых исторических эпох, всё же не стал ещё современной атомарной самодовлеющей личностью. Едва осознав неповторимость своей жизни и опыта, возвещает о них громко, в полный голос, прошлому и будущему. У него ещё нет понятия о приватности. Петрарке даже приходится прилагать определенные усилия, чтобы убедить своих современников в реальном существовании Лауры: до такой степени абстрактна Донна и открыт Поэт. Всего пару столетий спустя великий англичанин Шекспир напишет свои сонеты, но его Прекрасный друг и Смуглая дама – оба такие яркие и своеобразные персонажи! – совершенно потеряются в потемках шекспировской биографии, сохранив свою личность только в «Сонетах». Любопытно, что это возрастание приватности будет связано с изобретением книгопечатания. Однако в эпоху Петрарки до открытия «искусства частной жизни», сокровенности и потаённости было ещё далеко.

Список литературы

1. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1995. 448 с.
2. Боккаччо Дж. О жизни и нравах господина Франческо Петрарки из Флоренции // Петрарка Ф. Сочинения философские и политические. М.: РОССПЭН, 1998. С. 393-402.
3. Веселовский А. Н. Избранные статьи. М.: Художественная литература, 1939. 573 с.
4. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 405 с.
5. Неклюдова М. С. Искусство частной жизни: век Людовика XIV. М.: ОГИ, 2008. 440 с.
6. Петрарка Ф. Сонеты. Канцоны, секстины, баллады, мадригалы, автобиографическая проза. М.: Правда, 1984. 592 с.
7. Kerrigan J. Between Michelangelo and Petrarch: Shakespeare's Sonnets of Art // Kerrigan John. On Shakespeare and Early Modern Literature. Oxford, 2004. P. 23-40.

DONNA, POET AND ADDRESSEE IN “CANZONIERE” OF PETRARCH

Florova Valeriya Sergeevna, Ph. D. in Philosophy
Moscow State University of Education
vsflorova@rambler.ru

The article considers the images of Donna, Poet and the addressee of “Book of Songs” by Petrarch. Special attention is drawn to the fact that new renaissance individualism practically does not affect the image of Laura, who becomes the personified symbol of poetry and glory. On the contrary the image of Poet has a pronounced subjective character. But the image of the addressee in “Canzoniere” is the most interesting one. It’s actually any reader, who is involved in the renaissance culture, still devoid of the later ideas about privacy.

Key words and phrases: Renaissance; Petrarch; Laura; Poet; reader; addressee; idea; symbol; individualism; publicity; privacy.

УДК 82

В статье рассмотрены основные мотивы оригинальной поэзии Б. Пастернака, написанные в ходе Великой Отечественной войны и связанные с ней тематически (объектом исследования стали не только стихотворения, вошедшие в основное собрание сочинений, но и те, что остались за его пределами). Изучены особенности ритмики данных произведений, поскольку они являются ключом к пониманию данного явления как целого.

Ключевые слова и фразы: Великая Отечественная война; оригинальная поэзия; сводки Совинформбюро; основные мотивы; особенности датировки.

Хаменок Вера Ивановна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
verakhamenok@gmail.com

ТЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ОРИГИНАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ Б. ПАСТЕРНАКА)

Б. Пастернак, как и другие поэты, в своей поэзии обращался к теме Великой Отечественной войны. В 40-е годы он создает цикл стихотворений «Военные месяцы» (в одиннадцатитомном собрании сочинений – «Стихи о войне») и включает его в сборник «На ранних поездах» (1926-1944). Первые пять стихотворений